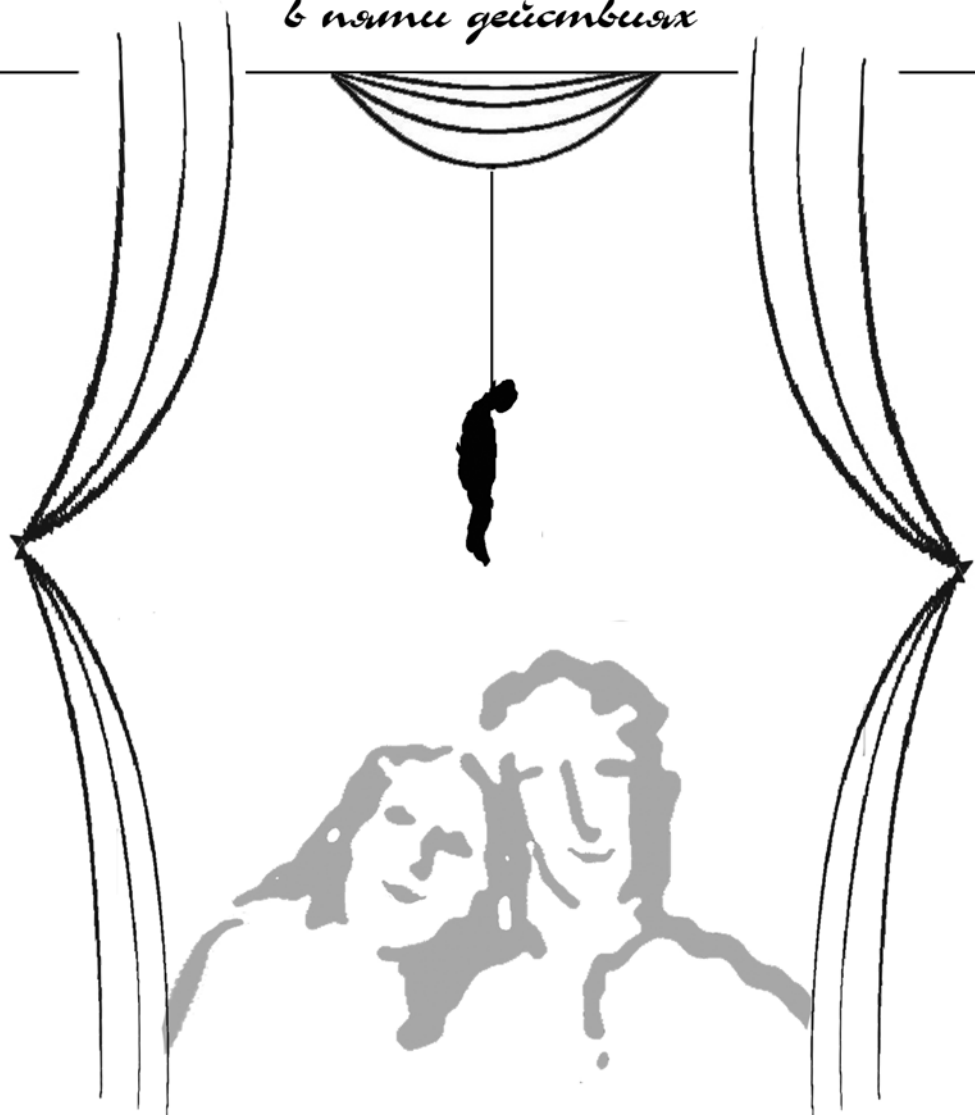

Похороны Смирнова

*Комедия
в пяти действиях*

Похороны Смирнова

Комедия в пяти действиях

«...Им холодно, они прижимаются друг к другу, но чем сильнее они это делают, тем больнее они колют друг друга своими длинными иглами...»

Артур Шопенгауэр

«Не я плачу, воспоминания плачут»

Иван Гончаров

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В каждом действии пара: он и она.

Он — как правило, деятель или типа того.

Она — как правило, королева или типа того.

Действие первое

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Он лежит на диване. Он любит лежать на диване. Кот делает попытку прилечь рядом. Он говорит ему: брысь. Кто-то звонит. Он берет трубку.

Трубка. Это ты?

Да, это он.

Трубка. Смирнов повесился

Он. Почему?

Трубка. Не знаю я, почему. Он сначала пропадал, дискретно выпадал. И вот совсем выпал.

Он. Что думаешь делать?

Трубка. Надо поминки организовать или что там делается в таких случаях, я не очень в курсе.

Он. Надо, наверное, дать объявление. Может, кто-то захочет прийти.

Трубка. Да, наверное. Ты скажешь ей? Я не смогу.

Он. Хорошо, я скажу ей. *(Кладет трубку.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Он идет по коридору, стучит в дверь.

Он . Ты дома?

Она . Нет, меня нет.

Он . Смирнов повесился.

Она . Уходи.

Он . Послушай.

Она . Уходи.

Он . Хорошо, но ты должна как-то решить с похоронами, у него никого не было, кроме нас.

Она . А кто его нашел и где?

Он . Я не знаю.

Она . Ладно, уходи.

Сцена третья

Она заходит в комнату, где он лежит на диване. Ну, как обычно.

Она . Смотри, что мне попало по дороге.

Он ничего не видит и кивает: красивое.

Она . У тебя никогда не было вкуса, уже не жди.

Он . Я не жду.

Она . Слушай, насчет похорон. Мы же не можем вот так без родственников ну и всего прочего взять его и похоронить.

Он . Ты знаешь его родственников?

Она . Нет, но это не имеет значения. Надо поискать.

Он . Поищи.

Она . Ты пытаешься сделать из меня виноватую.

Он . Ни разу.

Она . Но я же вижу эти косые взгляды вокруг и шепот: это она, это она.

Он . Ну, это обратная сторона славы.

Она . Какой славы?

Он . Ну, тебе же нравилось. Популярный автор и постановщик всего, что можно поставить, и его она.

Она . Мне льстило, но я же не любила, зачем мне все это.

Он . Любишь мороженое, люби и зиму.

Она . Как ты примитивен.

Он . Я лапидарен — да, но не примитивен.

Она . Капитан Очевидность.

Он . Может, и майор, все может быть.

Она . Что мне делать?

Он . Дать объявление и обзвонить всех, кто есть в его записной книжке, или в телефоне, или где там еще, всех позвать, а потом...

Она . Да, что потом делать?

Он . Накрыть стол и ждать: вдруг кто-нибудь придет. Я приду, обещаю.

Она . Можешь помочь с этим всем?

Он . Ну, конечно, я все сделаю.

Он встал с дивана, закрыл за ней дверь и пошел, шлепая босыми ногами, — ну, по тому, по чему он шлепал обычно босыми ногами.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

У него. Он разговаривал насчет Смирнова, ругался и плевался.

Он . Да никогда это не может быть приемлемо. Чего ему не хватало? Всего. Когда есть — тогда не надо, а когда нету — тогда сразу надо. Есть такой набор первой необходимости.

С о б е с е д н и к *(в трубке)*. Ты хочешь сказать, мы все терпим, а он не мог? Он что — особенный был, этот ваш Смирнов?

Он . Ну, значит, не мог. Мы все разные. Это его жизнь, он и решил. Ты другой. И ты решил, что ты меняешься вместе с линией партии. Это же выбор индивидуальный.

С о б е с е д н и к . Меня Смирнов своим поступком оскорбил. Поставил потому что себя выше меня, и я хоронить его не пойду.

Он . Воля ваша *(вешает трубку)*.

СЦЕНА ПЯТАЯ

У него. Она заходит, он , как всегда, на диване.

О н а . Я из сил выбиваюсь, а ты опять лежишь.

Он не знает, что сказать, и суетливо перебирает плед, которым покрыт.

О н а . Ты что-нибудь сделал?

О н . Никто на похороны идти не хочет.

О н а . Так я и знала, ты беспонтовый говноед.

О н . Может быть, но зато я не ложусь подо все, подо что можно лечь.

О н а . Ты что — задеть меня хочешь? Это прошло у меня лет в четырнадцать.

О н . Что прошло?

О н а . То место, которое можно задеть, умерло много лет назад.

О н . Да, я знаю. Знаю и всегда вспоминаю, когда задеваю твои бетонные колени.

О н а . Дебил и интеллектурал — это невыносимое сочетание.

О н . Но тебе же нравится.

О н а . Иди в жопу.

О н . Остро.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

У него.

О н а . Ну так что?

О н . Что?

О н а . Что будем делать?

О н . Сожжем его с утра в субботу, а на 15-е закажем что-нибудь вычурное за городом с каким-нибудь суперназванием — типа «Княжеская охота». Или туда уже не ходят?

О н а . Если кто и придет, то туда придут — всем рядом.

О н . А кто-то еще остался?

О н а . Ну, кто-то же должен ведь родину любить. Типа как ты.

О н . Вот [REDACTED]. Да, я люблю, в отличие от тебя, бездушного имитатора всего, что попадает из способного принести прибыль.

О н а . Ты сам продаешь иллюзии. Кто-то из боссов считает тебя умным и талантливым.

О н . Что не так?

О н а . Да все не так.

О н . Да ну.

О н а . Да, я зарабатываю за нас обоих, а ты только скрипишь и валяешься на всех диванах со всеми шлюхами, которых ты почему-то называешь актрисами. Это льстит тебе или им?

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

На ступеньках крематория.

О н . Ну что, по-моему, все прошло прекрасно.

О н а . Ужас, как я не люблю все это. Это ощущение гари. Эти искусственные слезы.

О н . Какой гари, что ты придумываешь. Прекрасное современное оборудование. Какая гарь? У тебя в носу не может быть ощущения никаких запахов. Кого ты обманываешь.

О н а . Мудак.

О н . Ягодка.

О н а . Теперь в ресторан надо ехать, скорее бы закончилось уже это все.

О н . Тут трудно не согласиться, моя королева Марго. Рыбка.

О н а . Пошляк, ненавижу твою гнусную манеру. И рожу твою ненавижу смотреть.

О н . Ну-ну, к чему этот огонь, мы же одни. Или ты репетируешь интервью с очередным подонком? Где ты их находишь?

О н а . Заткнись.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Он опять у себя.

Он *(разговаривает по телефону)*. Нет, прекрасные были похороны, было полстраны. Все сайты забиты репортажами. Смирнов — это Смирнов. Не какая-нибудь. А я тебе говорю, все прошло на ура. Пока. *(Вешает трубку и продолжает смотреть.)*

Она протискивается в дверь, как будто ей что-то мешает. Да, она в каком-то странном наряде.

Она. Ну что, вот так нормально?

Он *(смотрит без выражения)*. Для чего?

Она. Ну как, сегодня же прием, ты что — забыл?

Он. А зачем так-то себя инициировать?

Она. Вдруг забывать начали, я переживаю.

Он. Не переживай, тебя невозможно забыть. Последние интервью были такими отвратительно полезными для системы, что...

Она *(перебивает)*. Это правда, я редкостная тварь, как такую забудешь. *(Смеется.)*

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Опять ее комната.

Он. Слишком много компромиссов рожают неуправляемую среду. Именно в ней теперь вязнет Европа. Старушка Европа под бременем мертвых. Эмигранты погубят ее окончательно. Они умерли, ибо оторвались от своих корней, и она чахнет под их задором. Бескультурные варвары. Как тебе?

Она. Ну, для них сойдет, они такое любят.

Он. Думаешь, купят?

Она. Конечно, у тебя же лучший импресарио в мире.

Он. Ну да. Иногда мне кажется, что я работаю за еду.

Она. Ну, еще ты можешь быть возле меня.

Он. Это, похоже, очень дорого мне обходится.

О н а . Без меня ты бы валялся сейчас под забором, не в силах решиться хоть на что-нибудь. А так ты востребован, нужен. Ты идеолог нового мира.

О н . Ну да, ну да. Ну, я тогда доделаю и отнесу статью. Или ты?

О н а . Неси сам, ты же не заблудишься? *(Смеется.)*

О н . Постараюсь.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Опять его комната.

О н . Да, я говорил и возражал, да, я готов переделывать, я готов хоть всего Лермонтова переписать, но «Капитанской дочки» не получится. Ах, вы и это знаете. Тогда я за культуру нашу спокоен. Всего доброго.

Бросает трубку и ложится на диван.

О н а *(входит в комнату)*. Мне звонили и говорили ужасные вещи. Говорили, что ты уперся и не желаешь ставить «Молодую гвардию». Это еще почему?

О н . Я ее не чувствую.

О н а . Хорошо, поставь заседание парткома. Современная жизненная вещь.

О н . Я посмотрю.

О н а . Ну, не капризничай, зайчик, я такой подряд получила, а из-за тебя может все сорваться, если тобой будут недовольны. Я же отвечаю за тебя перед старшими товарищами.

О н . Ладно, отстань, я подумаю.

О н а *(холодно)*. Не затягивай.

Уходит.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

О н *(с собеседником по телефону)*. Да брось ты, все одинаковые, и Смирнов был таким же, как все,

а потом — ну, не знаю, почему-то. Настроение, похмелье, неудачи творческие, да мало ли причин. Да иди ты в жопу со своими домыслами. Не делай людей прекрасными — и не будешь расстраиваться. Пока.

О н а *(входит резко)*. Ну до чего испоганились люди, к ним всей душой, а они.

О н *(шурясь)*. Это ты-то всей душой? Смешно. Ты их продаешь и покупаешь. Кому-то это иногда надо-едает. Это естественно, душа моя.

О н а . Ах вот как ты заговорил.

О н . Да ладно, я в меланхолии. После разговора с Загорским. Он наговорил мне тут про мотивы Смирнова. Как он переживал и помогал всем, и вообще.

О н а . Понятно. Ну а мне-то что делать? Вышло интервью с этой мадам, и она теперь страшно недовольна: я рассказала, чего рассказывать нельзя. Но ты же знаешь: не хочешь, чтобы узнали, мне не рассказывай. *(Смеется.)*

О н . Ну да, тебе же касса нужна. Чтобы боялись и восхищались. А главное — не забывали. Чтобы каждый день ты, ты и только ты во всех утюгах. Ух ты, золотое дитя перестройки.

О н а . Да, а что? Я такая. Я могу и я хочу.

О н . Мне надо идти к этим. Получать точки над «і». Наводить резкость и понимание, как надо смотреть на происходящее. И еще мне расскажут, чего от меня ждут. В общем, на правилку пошел. *(Смеется.)*

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Обедают в ресторане где-то в Охотном ряду.

О н . Ну, мне объяснили. Знаешь, оказывается, хранение традиций — это наша единственная задача последние тысячу лет, и мы с ней отлично справляемся.

О н а . А как ты думал, конечно. Все эти иконы, братства и прочая лабуда. Все, чтобы показать вечность и незыблемость. И ты понимаешь, все эти из-

вращенцы — прям умильные прихожане с постными лицами.

Он . Да кому ты рассказываешь. Они с одинаковыми лицами ходят и в храм, и в театр, и на партсобрание.

Она . Ты отбил мне аппетит весь. Вот ешь теперь сам свои гребешки.

Он . Как ты все-таки чувствительна, душа моя. Да насрать, мы не изменим традиции жить как жили.

Она . Да, конечно. Постоянно жмут. Это не говори, это не пиши. А субботники? Этого отпаши, этого прикрой. И от кого они прикрываются? Да друг от друга.

Он . Среди друзей — самое опасное и некомфортное пребывание. Неизвестно, кто тебя имеет прямо здесь и сейчас.

Она . Ладно, пошли. У меня куча дел. Или ты останешься? Оставайся. Я побегу. С тобой долго. *(Уходит.)*

Он . Слава богу, ушла, как же я теперь отлично поем и отдохну. На сегодня мне уже достаточно свинных рож.

Зовет официанта.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Она разговаривает по телефону из машины.

Она . Да, я сейчас заеду. Невыносимо это все. Он так тяжело мне дается. Ну почему я? Ладно. Конечно, я сладкий пирожочек. Но трахать меня надо как следует, а не абы как. Иначе какой во всем этом смысл. Да уж, пожалуйста, устрой. Да, скоро доеду.

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Он , ожидая счет в ресторане, разговаривает по телефону.

О н . Представляешь, она полностью солидарна со всеми этими бездарями. И еще мне Бродским тыкает.

Т р у б к а . Ну а ты?

О н . Я все ей сказал. Я сказал ей, что я, конечно, все вынесу. Но не все-все-все.

Т р у б к а . Ну а она?

О н . Она сказала, чтобы я не выебывался и сосал, как положено. Представляешь? Говорит, нужен энтузиазм.

Т р у б к а . Какая же она тварь. И сука. Сука и тварь.

О н . Да-да-да. Когда увидимся? Я соскучился.

Т р у б к а . Ну, не раньше пятницы, кролик, меня же нет, ты же знаешь (смеется). Все, пока, я побежала.

О н . Пока. (Вздыхает и кладет трубку.)

Действие второе

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Он в расписном халате, в скуфейке стоит у окна. Такого — от пола до потолка, на каком-то пятидесятом этаже, и глядит на реку. Она с длинным мундштуком в руке, в трусах и майке, заведомо мальчишеской причёске.

Он . Ты уже достала этими посиделками до утра, мне надо работать. И дети, почему дети в загоне?

Она . Ничего они не в загоне. Они с няней были, все в порядке. К тому же ты все сам знаешь. Контролируешь каждый шаг всех, до кого можешь дотянуться.

Он . Тебе плохо со мной?

Она . Я этого не говорила.

Он . Значит, мне показалось.

Она . Тебе всегда все кажется, а все потом виноваты.

Он . Ладно, собирайся, поедem обедать. Все-таки воскресенье. Семейный день. *(Смеется.)*

Она . Ну, через час я, может быть, буду готова.

Он . 20 минут, и ни минутой больше. Время пошло. Я уже вызвал машину.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Ресторан, куча народа. Обедают перед театрами. Отдельный кабинет.

Он *(после ухода того, кто с ними обедал)*. Ну, что скажешь про этого, как он тебе?

Она. Ни рыба ни мясо. Скользкий и противный.

Он. Ну, конечно. Он вполне религиозен, не то что твои подружки. Всякие гоголи и моголи. Тут другое, это ведь не Малая Бронная.

Она. Слушай, не втягивай меня в это свое. Я в этом ничего не понимаю. И не хочу.

Он. Ты моя жена. Что значит не хочу? Ты обязана. Мы вместе. И борьба — она и твоя борьба.

Она. Ну, хорошо. За что ты борешься?

Входит официант. Они замолкают. Он просит кофе и счет.

Она. Я хочу стакан воды.

Он. И стакан воды.

Официант уходит.

Она. Что в этой вашей мелочной возне?

Он. Нет никакой возни. Время такое. Надо найти способ выжить. Устоять. Возможно, занять недостижимые ранее места.

Она. Ну да. Я понимаю. Пошли давай, великий.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Где-то в Европе, наверное. Но об этом сейчас немодно распространяться.

Он. Ненавижу Париж. Всегда одно и то же. Они суют нам превосходство, а мы им Чайковского.

Она. Да ладно. Ниночка, как всегда, была прелестна, буфет неплохой. Что не так?

Он. Что — мне уже и покапризничать нельзя?

О н а . Можно, конечно, можно. Просто ты все принимаешь близко к сердцу, я переживаю. Может быть, поедem лучше на побережье или на остров. Помнишь, звал Ксавье тебя?

О н . Да. Может быть. Но я все-таки не знаю, чем нам открывать сезон. Министр молчит, а я человек коммерческий, мне надо кассу собирать.

О н а . Ну, если бы их не было, ты бы ничего не собрал. Без идеологий-то.

О н . Молчи, дура, о чем не понимаешь. Думаешь, мне это все даром достается. Язык болит. Все жопы лизать — не перелизать.

О н а . Да ладно тебе, успокойся. Все у тебя будет ок. Иначе я бы за тебя не вышла. *(Смеется.)* Или считаешь, пора разводиться?

О н . Ты дошутишься. *(Уходит, хлопает всем, что попадает под руку.)*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Опять столица.

О н . Ну решительно не могу понять, чего они от меня хотят. Ну подумай сама. То надо ставить, то не надо ставить. Вот скажи, чем плоха «Бангладешка»? Отличная вещь — и музыка, и декорации, и костюмы. Но нет, опять нет идеологической составляющей. Размывает основы.

О н а . Ну и не парься. Дай глубину, качни философией, ты же умный.

О н . Да, я умный. Я в состоянии и Достоевского на лыжи поставить. Но не могу я вектор определять, а они — кто во что горазд. И кто будет отвечать?

О н а . Милый, ты горячишься, дыши ноздрями.

О н . Нет, ну ты пойми, но невозможно же так. Пусть кто-нибудь скажет, как надо. И не на сегодня, а навсегда. И я буду тогда понимать и отливать в бронзе.

О н а . Я не знаю. Так, наверное, нельзя. А может, они сами не знают, как надо?

О н . Не пори чушь. Всё они знают. Просто играют. Ждут, чтобы я оступился. Но ■■■ им. Да-да, именно, ты не ослышалась. Не дам им такой радости.

О н а . Ну хорошо, дорогой, как скажешь. Давай пойдем, я чаю заварила, того, от Мэйси, последний раз выбрали, помнишь?

Он понуро бредет за ней на кухню.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Квартира по-над речкой.

О н (*говорит по телефону*). Нет, я не могу пере-нести на 20-е, да вы поймите, душа моя, это невозможно. С 10-го театр на ремонте. Ремонте! Как кто разрешил? Вы и согласовывали. Я не смеюсь. Да, точно так. И в аппарате, и в совете. (Кладет трубку и тупо смотрит на нее.)

О н . Какие-то чудеса.

О н а (*кричит из другой комнаты*). Дорогой, ты будешь завтракать?

О н . Да.

Выходит в другую комнату.

О н . Нет, ну представь, звонит сейчас мадам и говорит невозможное. Затем звонит администратор, начальник большой, и говорит еще более невозможное.

О н а . А что случилось?

О н . Ну, я закрыл театр на ремонт, а теперь понадобилась площадка для какого-то мероприятия, большого и важного, и они все делают вид, что первый раз слышат.

О н а . Что — других помещений нет?

О н . Есть, конечно. Но хотели у меня. И главное — мне это тоже нужно. Это мероприятие — чтобы было у меня. Вот, черт возьми, мудизм.

О н а . Ну ладно. Следующее будет точно такое же, они тебя любят.

О н . Они? Они меня ненавидят. Сожрали бы, да не могут. Пока. *(Смеется.)*

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Сидят в машине. Машина едет по мосту. Вид открыточный. Ну, бывают в этом городе такие виды. Попадаютс я иногда. О н смеется.

О н а . А чего смешного? Почему я всегда выгляжу нелепо?

О н . Нет, прекрасно. Как ты ему сказала? А вы кто?

О н а . Ну а что такого, я действительно не знала его. Первый раз увидела. Сомлела прям вся.

О н . Нет, его лицо, выражение лица было бесценно. Он так оторопел. Он смотрел на тебя с ужасным изумлением. Великолепно это все было.

О н а . Анжелика начала отвлекать, хлопотать. Она в этом мастер вроде. Развее я немую сцену. Все смеялись и все позабыли.

О н . Ну, конечно. Уже всему городу, поди, рассказали.

О н а . Ну, я не знаю. Тебе виднее. Я тебя подвела?

О н . Да нет. Ну баба-дура, что с нее возьмешь. Будут меня подкалывать пару дней. Потом другое развлечение найдут.

О н а . Ну прости.

О н . Давай заедем. Сюда, с моста направо. По бокальчику. Ты как?

О н а . Да я с удовольствием *(в изумлении, что так легко сошло недоразумение с рук)*.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Звонит телефон у него в кабинете. Он занят. Совещание. Но снимает трубку.

Т р у б к а . Приветствую! Ну и как вы себе представляете то, что прислали, ваши предложения? Как их реализовывать?

О н . Добрый день! Я думал так, что вы утвердите, и я все сделаю.

Т р у б к а . А как? Как вы это сделаете?

О н . Ну, как всегда. Возьму и сделаю. Вы утвердите. А я все сделаю.

Т р у б к а . А деньги? Откуда деньги?

О н . Ну, там смета приложена. Но если скажете, я найду сам.

Т р у б к а . Вот даже как. Смело. Интересно. Я подумаю.

О н . Спасибо за звонок (*уже отключившемуся собеседнику*).

О н . О чем мы говорили? Давайте перенесем. У меня важный звонок.

Все выходят.

О н (*вслух, оставшись один*). Может, я погорячился? Не стоило так вкладываться? Теперь, если он согласится, придется искать деньги, звонить Петру, унижаться, предлагать опять заинтересованные продвижения в тесном кругу культуры. Где все. Где все — как в лубой закрытой корпорации — тугие, неповоротливые, недоверчивые и извращенные. Ладно. Посмотрим.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Яхта. Средиземное море. О н в прекрасном настроении. Отпуск. О н а , впрочем, тоже.

О н . Море спокойное. Может, поныряем?

О н а . Я чего-то не хочу. Да и нельзя еще, наверное. После полета.

О н . Ну да. Пожалуй. Попроси тогда еще шампанского. Хочется праздника.

О н а . Конечно, милый. Все-таки здорово, что ты выбрался. Да и я тоже. *(Смеется.)*

О н . Ну да. Оторвалась от вашей сплоченной группы. Все кости перемыли?

О н а . Еще не всем. Но тебе перемыли.

О н . Что говорят?

О н а . Говорят, что ты пользуешься ситуацией и загребашь все больше под себя. Не вылезашь от администраторов. И все гранты и контракты твои, ну, или почти все. *(Смеется.)* Тебя не сильно любят.

О н . Едва терпят. Тусовка совсем не моя. Я держусь именно в результате их непреходящего изумления и моей наглости.

О н а . Ну да. Давай же пить шампанское. А то сейчас они появятся.

О н . Ну и пусть. Это же наши дети.

О н а . Я их обожаю.

О н . Вроде школы некоторые сохраняются. А то непонятно, что делать-то.

О н а . Хорошо бы. Им нравится нынешняя. Кстати, моя мама хочет приехать.

О н . Сюда? Конечно, пусть приезжает. Мне нравится семья. Кто бы что ни сотворил, семья — это семья.

О н а . Ок. Я напишу ей. Ее кто-нибудь встретит?

О н . В Ницце? Ну, конечно, скажи ребятам.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Театр. Идет монтаж декораций. Звонит телефон.

О н . Да. Привет. Ну почему сразу так. Я такого не подразумевал. Я думал — по-товарищески. Ладно, нет так нет. Извини, жена звонит.

О н а . Отрываю?

О н . Ну что ты. Один придурок просто пытался прокатиться на халяву. Но я ему не дал. *(Смеется.)*

О н а . Да. На тебя где сядешь, там и слезешь. Неужели этого еще не все знают?

О н . Видимо, не все. Какой план? Мне заехать за тобой и вместе пойдем? Или ты туда сама приедешь?

О н а . Наверное, сама. Мы тут со Светой немного зависли и не укладываемся по времени.

О н . Ну ок. Тогда там. Но обратно вместе. *(Смеется.)*

О н а . Железно.

Он продолжает разглядывать декорации, которые продолжают монтировать.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Едут в машине после афтепати, которое было после мероприятия, на которое они так давно хотели попасть.

О н . Все-таки это было не нужно.

О н а . Почему? Ты поговорил с Егором Кузьмичом — ты давно хотел, а тут как раз и он, и ты, и абсолютно не связанная повестка.

О н . Откуда ты такие слова знаешь? Повестка. Непринужденная обстановка. Ты прям как мои суслики. Все сечешь, во всем разбираешься. *(Смеется.)*

О н а . Ну да. Пытаюсь соответствовать. Не все же время дура душой стоять рядом с тобой.

О н . Ну, вот раз ты такая продвинутая, скажи мне: надо использовать детей в рекламе?

О н а . Наших?

О н . Да, наших. В мой большой рекламный проект нужны дети для визуализации концепции. Что думаешь?

О н а . Я, в принципе, не против. Меня возьмут?

О н . Ну как без тебя, конечно, возьмут. Тогда решили: будем эксплуатировать детей.

О н а . Они будут рады. Это не эксплуатация, а развлечение для них.

Он . Да, конечно. Я пошутил. Я, кстати, получу еще проект. Решится на неделе.

Она . А что, разве тебе недостаточно того, что есть?

Он . Дают — бери, бьют — беги. Нельзя отказываться, фарт уйдет. А сейчас время собирать.

Она . Ну, не знаю. Возможно. Хотя у меня от новостей мороз по коже иногда. Не уверена, что завтрашний день меня обрадует.

Он . А кто говорит, что уверен. Но надо шевелиться. Иначе что? Застой и смерть.

Она . Ты слишком хитрый.

Он . Я-то? Да. Зато ты красивая. Отличный марьяж.

Она (*смотрит в окно*). Красиво тут как все-таки.

Он . Здесь очень, да, и дальше неплохо. Хочешь, еще проедем куда-нибудь?

Она . Нет. Давай домой сразу.

Он . Ок.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Поздний вечер бесконечного дня. Она ушла спать. Он читает сообщения в телефоне. Звонок. Он снимает трубку.

Он . Да, это я.

Трубка . Смирнов умер.

Он . Я его вроде видел недавно.

Трубка . Ну да. Он сначала пропал, а потом нашелся. Вы скажете ей? А то я не смогу.

Он . Да, конечно, скажу.

Трубка . Спасибо.

Он . Если нужна помощь с похоронами, родственниками, скажите, что надо сделать.

Трубка . Спасибо. До свидания.

Он (*идет в спальню*). Ты не спишь?

Она . Нет.

Он . Смирнов умер.

Она . И что? Я при чем?

О н . Я не знаю. Просили передать — я передаю.
О н а . Будешь ложиться?
О н . Нет. Еще почитаю там.
О н а . Тогда закрой дверь. Я буду спать.
О н . Спокойной ночи. *(Закрывает дверь.)*

Она любит готовить. Он любит бухать. Гармоничная пара. Она очень много работает. Мотор. Ну а ему деваться некуда.

Действие третье

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Загородный дом. Много народу всегда. Бывшие жены, родители, сотрудники и прочие.

О н а *(забегает, когда он наливает)*. Ну что такое, дорогой. Еще не вечер.

О н . Но адмиральский час пробил. *(Смеется.)*

О н а . Так сегодня голубцы. Мне привезли чудесную капусту. И мясо, и все-все-все. И ничего не говори. *(Уходит.)*

О н . А я ничего и не говорю. *(Делает глоток.)*
Отлично. *(Счастлив и доволен.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Огромный и сложносочиненный обед окончен. Гости разъехались. Они сидят на веранде. Она в переднике, он в шортах и фуфайке.

О н . Ты довольна?

О н а . Да. Но все-таки соленые огурцы подкачали. То ли размер, то ли засол. Не пойму.

О н . А по-моему, все было отлично.

О н а . Ну, конечно. Даже твоя бывшая с удовольствием осталась до завтра. Доедать. Все не смогла за раз.

О н . Язва ты все-таки.

О н а . Ну, за это меня и любят.

О н . Что да, то да. Не даешь спуску врагам.

О н а . А то.

О н . Новый сценарий мой смотрела?

О н а . Слушай, давай завтра про твое занудство поговорим.

О н . Как хочешь. Это же тебе надо. Мне просто скучно.

О н а . Ну, конечно. С моими бабками, конечно, тебе скучно. Делать-то ничего не надо.

О н . Опять. Тогда я пошел спать.

О н а . Видишь. А я пошла работать.

Расходятся.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же и там же. Типа следующее утро. Утро после обычного праздника вечером. Сидят на кухне и едят овсянку.

О н . Все-таки вот эти пиры, зачем они? Ты сублимируешь страх или тебе хочется царствовать? Кормить и ублажать, заставляя людей трепетать и подчиняться.

О н а . Ну, наверное. Во мне много любви, и она требует выхода. Ненависть находит выход на работе. (Смеется.) А любовь, наверное, не находит и вот так воплощается в другом виде. Чем плохо?

О н . Да нет. Я просто думаю о том несоответствии, которое порождают эти хлебосольные бунты против действительности.

О н а . Да брось ты. Все так. В чем-то или с кем-то. А мы традиционная пара: я на кухне, ты бухаешь с телевизором. Что не так? У нас даже лучше. Потому что пока я на кухне, другая я всегда с тобой.

О н . Наверное. Не знаю. Грустно это все. Все, что я делаю последние годы, это ведь что такое? Я не знаю этому названия даже.

Она . Да брось ты. Все ты знаешь. Ты хотел красиво жить. Ну, вот примерно все так и получилось. А все остальное в контракте.

Он . Вот даже как. Я еще и козел.

Она . Ты не козел. Ты колеблешься вместе с линией партии, как говорили старые партийцы. Это уважаемая среди элиты позиция. Ведь она самая востребованная. И не надо этих интеллигентских вздохов.

Он . А я что. Я ничего. Налей мне еще. И сырников. И сметанки.

Она . Ух ты мой поросенок. Проснулся аппетит. Радуюсь тебя. Ладно, я опаздываю. Не балуйся слишком сильно.

Она убегает. Он продолжает есть, повернувшись спиной к сцене.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Они выходят из какого-то важного дома. Ну, есть такие дома на Москве. Понятно, что там принимают решения. Или выдают. В общем, опасные такие дома. Она в деловом костюме, вся на цырлах. Он опущенный, какой-то мятый костюм, но улыбается голливудской улыбкой.

Он . Лихо они нас. Я прям думал, обоссусь прямо там.

Она . А теперь расхотелось? Перетерпел?

Он . Да, отпустило слегка. Что это было?

Она . Это обычное выворачивание кишок, чтобы дошло, наконец, чего они хотят.

Он . До меня дошло, только я не знаю что.

Она . Сейчас поедem домой, и я тебе все объясню.

Садятся в машину и уезжают.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Вечер. Они идут по тропинке около дома. Такой большой променадный круг на участке сделан. Она в телогрейке, от Этро, наверное, а он в спортивном костюме Адидас. Разговор начат не сейчас. Мы слышим с середины.

О н а . Вот примерно так. Не забудь еще, что клеймить теперь можно без всяких политесов и соблюдения приличий. Прямо площадно. Завтра надо собрать креаторов и поставить задачу. Тебе понятно?

О н . Да, понятно. Глумиться — это, конечно, понятно. Только, ты же знаешь, эта дорога короткая. Возгонка быстрая. А что потом? Этого хватит ну на полгода. Не больше.

О н а . Дальше можно менять цели и опять гнать то же самое.

О н . Это понятно. А потом? Мы же вытаптываем. Но ничего нового не создаем. Не сажаем, прости господи.

О н а (ржет). А ты бы хотел?

О н . Что?

О н а . Ну, сажать. Такой комиссар в кожанке. И давай сажать.

Он смотрит на нее со страхом.

О н а . Ладно, пошутила. Вас, интеллигентов, легко шутить. (Смеется.) Ладно, расслабься.

О н . Надеюсь, ты все-таки не такая, какой иногда мне кажешься.

О н а . Я и сама надеюсь.

Идут дальше.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Говорят по телефону.

О н а . Что ты опять натворил? Почему опять надо тебя выгораживать? Ну кто разрешал нести эту пургу?

Он . Ну, прости. Я... как-то само понеслось. Одно за другое. И они еще подначивали меня.

Она . Кто тебя подначивал? Ты сам начал. Я же видела все. Включая рабочий материал. У тебя же не эфир. Нельзя было доработать?

Он . Времени не было. Гнали. И потом, моим всем нравилось. Ну я и подумал.

Она . Кому твоим? Твоим прошмандовкам нравится, когда ты их за добро трогаешь, на все остальное им насрать.

Он . Ну зачем ты так? Мы же интеллигентные люди.

Она *(перебивает)*. Кто? Ты, что ли? Да ты забыл, где это. Тоже мне, артист, гонишься за кумиром. Зря. Сегодня он кумир, а завтра в жопе командир.

Он . Ну ты прям так грубо. Они же все-таки люди.

Она . Говно на блюде. А я разгребай. Ладно, вечером поговорим. Дождись меня в нормальном виде. Не прячься за бутылками.

Он *(бросает трубку)*. Да пошла ты. Стерва.

Она . Вот . Трубки бросает. С гонором. *(Смеется.)*

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Звонит ему снова.

Она . Ты чего трубки бросаешь?

Он . Да я тут уже, у тебя под дверью.

Она . А, ну давай, заходи тогда.

Он заходит к ней в кабинет, она встает, идет к нему, целует, усаживаются на диван.

Она . Ну и что это было? Ладно, проехали. Но! Перестань выпрыгивать. Что за новая манера завелась. Хочешь ребят переплунуть. Не получится, да и не надо этого. У нас устоявшаяся сейчас конфигурация, и не надо ничего менять.

Он . Да я, в общем, и не хотел. Оно само, я же говорил.

О н а . Вот смотри. Нас выбрали, и мы в расстановке. Роли расписаны. Не выламывай картинку. Тебе что — мало известности? Куда больше?

О н . Я хочу кино.

О н а . Вы посмотрите — он хочет кино. И что теперь делать? Сейчас получается другое кино совсем. И надо в нем держаться.

О н . Мотивация падает.

О н а . Ага, а градус растет. Смотри, выпадешь из тележки, я тебя подбирать не буду. Буду кормить — и это все. Ты понял?

О н . Жизнь одна.

О н а . И ты ее прекрасно живешь. Все. Если хочешь, слетай куда-нибудь. Мне некогда. И не ворчи. Тут и другие есть (смеется) патриоты не хуже.

О н . Ну ладно-ладно, разошлась прям. И так меня ошкуривать, и эдак. Иди сама знаешь куда. Я уехал к ребятам бухать, сегодня ночевать не приеду. Адье!

О н а . Ну, слава богу! Радость моя, иди-иди проветришься. Знаю я твоих ребят. Но не против.

О н . Иди в жопу. Пока.

Целует ее в нос и уходит. Хлопает дверь.

О н а *(вслед ему)*. Нет, ну до чего мудака. Ну сил же нет!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

У них дома. Чей-то день рождения. Куча народу. Подарки, бутылки, дорогие машины, везде шары, цветы и все прочее, вплоть до фейерверков. О н одет в летний костюм какого-то знатного дизайнера. Золотые цепи, ну, все как положено. О н а в платье с декольте, и тоже все как положено.

О н *(запыхавшись от беготни и танцев, хватая ее под локоть)*. Пошли покурим?

О н а . Пошли, а куда?

О н . Да вон к соседям давай, там тихо, их нет.

О н а . Ну что, ты доволен? Орден. Все такое.

О н . Ну да, вполне. Хотя в недоумении. А почему такой?

О н а . Ну, такой потому, что такой. Слушай, какая разница. Ты на виду. Орден, праздник. Великий популяризатор идей. Что тебе еще надо? Ты же тралил без мотивации? Вот стараюсь, как могу.

О н . Нет, это конечно. Спасибо. Но все-таки я же не первогодок какой-то, почему мне — и такое. Я не понимаю. Это пренебрежение или вообще просто не считается. Ну, надо дать, так давайте дадим. Это тебе услуга, что ли? Ты попросила — и тебе дали. Я при чем?

О н а . Ну, знаешь. Я потратила много сил, двигая бумаги, и чтобы к сроку дали. А тебе все равно. Ну ок. Я поняла.

О н . Нет, спасибо огромное, особенно за то, что хлопотала. Но я и так тебя люблю. И совсем не за это. Хотя это повод. *(Смеется.)*

О н а . Ладно. Пошли, куритель великий. Туши.

О н *(тушит сигарету и целует ее)*. Пошли выпьем?

О н а . Пошли.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Утро. Завтрак. Опять завтрак и опять утро.

О н а . Слушай, но зачем тебе «Роллс-Ройс»? Ты можешь мне объяснить?

О н . Да, могу. Я взрослый солидный мужчина, и я хочу ездить на такой машине. Пол-Москвы так ездит, и почему не я? Тем более что другие развлечения недоступны.

О н а . А это развлечение?

О н . Ну да. А что же? Удобная красивая машина. Подчеркивает статус, и отпадают многие вопросы социального общения. Иерархия. Мы же иерархическое общество?

О н а . Ну, наверное. Я не знаю. Мы — общество, где лучше не попадаться. Выход намного дороже, чем вход. «Роллс-Ройс» раздражает. И не социум, а соседей и товарищей по борьбе, у которых его нет. Давит.

О н . Я и хочу давить их. Давить. Давить этих соседей, этих коллег по работе. Переезжать их на тракторе. Ну или хотя бы на «Роллс-Ройсе».

О н а . Ладно, я побежала. Обязательно поешь кашу. Доктор мне всю голову пропилила, когда узнала, что ты не ешь кашу. Давай, вперед.

О н . Пока, дорогая. И пожестче там с ними.

О н а . Ну, ты же меня знаешь. Спуска никому не дам.

О н . За это вас и любят.

О н а . И вас. Целую. Пока.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Он дома. Работает. Смотрит какие-то нарезки или что-то ищет в ноутбуке. Непонятно. Звонит телефон. Он снимает.

О н . Да, это я.

Т р у б к а . Смирнов умер. Я обзваниваю всех.

О н . Да, я понял. А что случилось? Авария? Или как?

Т р у б к а . Похоже, суицид. Его нашли повесившимся.

О н . Вот как.

Т р у б к а . Вы скажете ей? А то я, наверное, не смогу.

О н . Конечно, скажу сам.

Т р у б к а . Благодарю и прощайте.

О н . Прощайте.

К л а д е т трубку и набирает номер.

О н а . Да, чего тебе?

О н . Смирнов умер. Позвонили.

О н а . Я поняла. Ладно. Мне пора. Ты не жди меня сегодня.

Он слушал гудки и тупо смотрел в телефон. Смирнов умер. Вот оно как.

Действие четвертое

Манхэттен. Он и она без плотного графика. Бизнес-серфинг в плавающем режиме. Много встреч. Флексибл-активность и такие же ответы на вопросы. Вроде пенсия, а вроде и нет.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Гуляют в парке.

О н а . Все-таки непонятно, чем подагра отличается от ревматизма. Ну, что ты думаешь?

О н . Я не врач. И не хочу об этом думать. С чего ты об этом с утра.

О н а . Ногу крутит.

О н . Понятно. Ну, отвлекись. Пройдемся. Потом чайку горячего.

О н а . Я буду кофе. Хотя если подагра, то вроде нельзя.

О н . Виски (смеется), виски можно всегда. Мой доктор так говорит.

О н а . Это-то конечно. Но женский алкоголизм.

О н . Ну, тебе не тридцать. Чего теперь бояться? Может, с ним и легче мириться с происходящим.

О н а . Может, ты и прав. *(Глядит в сторону.)* Все-таки отвратительная у них привычка продавать туристам вчерашние брецели. Прямо вот — ну как так?

Он . Ну, это разве проблема. (Смеется.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кофейня. Сидят за столиком, смотрят на поток пешеходов и машин за окном.

Он . Ты вот мне скажи, как мы должны себя вести со всем этим. Они говорят, что мы знали.

Она . Ну мы же знали. И что с того. Мы пытались выводить из-под удара. Получается, торговали инсайдом.

Он . Теперь в результате мы не нужны ни там ни здесь.

Она . В этом и проблема текущего момента. Мы должны переждать. Возможно, картина изменится, и мы снова понадобится.

Он . Надо пытаться быть полезными процессу создания будущего. В нем мы вполне можем воплотиться и остаться в потоке.

Она . Главное сейчас — чтобы нас совсем не списали.

Он . Пока не спишут. Тонкий лед. Всем все непонятно. Мы в любом случае — актив. Можно использовать.

Она . Активисты. (Смеется.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

«Метрополитен». Антракт. Они гуляют по фойе.

Он . Неплохо, неплохо. И все-таки ты помнишь, как все начиналось? Кто как не ты! Почему все пошло не так?

Она . Как не так? Все пошло именно так. Возможно, с деталями, которые нам не нравятся. Но все так.

Он . Ну как же. Мы же не хотели просто отливать в граните. Мы хотели веселое инновационное развитие. Не так ли?

О н а . Ну ты же не всегда был тупой и помнишь изначально, что так быть не могло. Нам просто казалось, что можно так. Но на самом деле так было нельзя.

О н . Ты клиренс имеешь в виду. Ну да, на цыпочки мы вставали, но не помогло.

О н а . Мы хотели сразу в кино, а нас усадили ждать в приемной следующего сеанса. На текущий мы не попали.

О н . Но это не мешает нам слушать «Тоску» теперь в Нью-Йорке. И тогда не мешало.

О н а . Мы не виноваты?

О н . Да вообще никто не виноват. Пошли, опоздаем.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Фитнес-этаж в кондо. Утро, солнце только пробивается. Они, одетые сообразно моменту, крутят эллипсы, стоящие рядом.

О н . Будет, похоже, неплохой день. Сегодня какой план? Прилетает Иосиф?

О н а . Прилетает. Ума не приложу, о чем нам говорить. Чего он хочет?

О н . Он хочет, чтобы ты сказала ему, что все будет хорошо. И он станет еще богаче. Надо только потерпеть.

О н а . Он не верит. Я ему сто раз говорила. Он и слушать не хочет. И смотрит так, как будто я не хочу сказать ему что-то важное.

О н . Ну, значит, будем сидеть в ресторане до утра и нюхать пробки.

О н а . А что остается. Это же ты приучил их верить и решать за них проблемы. А теперь, когда волшебная вода утратила силу, они не верят и ждут по-прежнему чудес.

О н . Ждут ли?

О н а . Крути педали. Пенсионер.

О н . Ну вот, потянулись года беззаконий.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Сидят в каком-то уютном месте, явно не Америка. Скорее, Франция. В общем, все как у Чехова — и Ницца, и бугенвиллии в цвету.

О н . А ты помнишь Флавия? Странное имя, древнее какое-то, а парень был молодой и хороший.

О н а . А чего это ты вдруг? Ну, помню, мы общались много в доэпоху, ты нас знакомил. Потом он работал с нами.

О н . Да, видел его как-то, не так давно. Как-то его недоиспользуют, что ли. И главное, заикаюсь о нем — и ничего, тишина и пустота. Странно как-то система работает теперь. Какие-то новые настройки добавились, что ли.

О н а . Только заметил. Старым кадрам — старое, а молодым — дорогу. Причем молодые — это не возраст, а особое состояние души.

О н . А что — настолько возросло недоверие?

О н а . Наверное, даже не в этом дело. Не то чтобы недоверие, а как бы снизилось мелькание, другие загородили взгляд.

О н . Ну да, понятно.

О н а . Это и наша с тобой проблема тоже.

О н . Конечно. Я это чувствую по разговорам. Они тонут. Результатов нет. Постепенно растворяются старые договоренности.

О н а . Именно. Приходят новые, они не в курсе. И все. Стена. Все труднее откапывать дорогу, снова восстанавливать связи, снова доказывать, что мы тут стояли.

О н . Да. И притом все больше снижается проходимость при возрастающем количестве улыбок.

О н а . Ладно, понятно все, не рви сердце.

О н . Что ты, радость моя. Я спокоен и упруг. Я прям как жидкое железо.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Большой театр или какое-то подобное место, премьера. Много улыбок. Подходят поздороваться и засвидетельствовать. Они чувствуют свою отдельность, какую-то отыгранность.

О н . Все-таки все как-то неуловимо изменилось. Они смотрят на нас, как на восставших из мертвых, а мы на них — как будто и не узнаем никого. Такие ребята с началом Альцгеймера.

О н а . Увы, ты прав. Только старики еще как-то осмысленно реагируют, остальные — либо плакап, либо как с портретами.

О н . Надо, что ли, пореже бывать. Все это как-то нагружает. Вся эта нелепость обоюдная.

О н а . Я не знаю, как теперь, какие правила. Мне кажется, теперь их нет, но об этом не все догадываются, поэтому что-то соблюдается, а что-то — никак. Инерция восприятия.

О н . Ну да. Осталось что-то еще здесь или, может, завтра улетим?

О н а . Я сама хотела предложить. Летим завтра, во Францию, наверное. Теперь все так нелинейно. *(Смеется.)*

О н . Ну да.

О н а . Может, сбежим отсюда прямо сейчас? Машина же ждет.

О н . Да, конечно. Поехали.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

В машине едут в аэропорт.

О н *(говорит по телефону)*. Да, я понимаю, ну, надо лететь. Там сложности какие-то. Увидимся в Дубае или где? Срочности же нет? Пока. Спасибо.

О н а . Степан? Волнуется?

О н . Ну, как всегда. Всего ему мало, отовсюду выдавливают, и беспокоится, что он без нас будет делать, как происки отбивать. Все изменилось, и ему

трудно, а мы опять улетаем, совсем не побыли, а он невыездной.

О н а . Ну да, я и забыла. Что он от нас хочет? Мы же реально сейчас ему мало чем можем помочь. Режим пытается найти новое равновесие, все же в подвешенном состоянии.

О н . Да пошли они все. Скроемся, напьемся, и только мы будем с нами.

О н а . Отличный план.

Идут к самолету.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Какой-то из городов-миллионников, где есть театр оперы и балета. В антракте, в вип-комнате.

О н . В принципе, неплохо. Может быть, Осипова могла бы и лучше, но и так неплохо.

О н а . Да отлично все. Милый зальчик, хорошая сценка, великолепный оркестр.

О н . Согласен. Хотя, конечно, «Баядерка» бывает и лучше.

О н а . Бывает, конечно. И вип-комнаты бывают лучше. *(Смеется.)*

О н . Тише, ты чего. Обидятся еще. Хорошие же. Стараются. Вот театр содержат, несмотря на всех и все.

О н а . Слушай, ты вот иногда такой раболепный, да еще и не в ту сторону. Твоя цель вон где. А ты все куда?

О н . О людях никто не думает.

О н а . А ты думаешь, не смеши. Они несчастны и не знают об этом. Не буди их.

О н . А если знают?

О н а . А если знают, не давай им повода это демонстрировать. Пусть несут свое знание молча, на скорбных лицах.

О н . Ты какая-то недобрая сегодня. Что случилось?

О н а . Да написали опять про музей этот несчастный, в котором я в попечительском совете. Теперь прокуратура с проверкой. До того милиция. Я заколебалась с ними разбираться.

О н . А чего молчала? Я бы поучаствовал.

О н а . В чем? В утирании моих слез? Так с этим ты не опоздал. *(Улыбается.)*

О н . Неужели нельзя как-то это вырулить окончательно?

О н а . Вот и я говорю: неужели нельзя? А ответа нет.

О н . Это да. Чего нет, того нет.

В помещении начинается движение. Все выходят.

О н а . Пошли. Похоже, антракт закончился.

О н . А что, за нами не придут?

О н а . Радуйся, пока нет. *(Смеется.)*

Уходят.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Отель. Очевидно, в том же городе. Обычный номер. Известный с советских времен дизайн. О н лежит на кровати, она в ванной комнате, дверь открыта. Звонит телефон. Он берет.

Т р у б к а . Смирнов умер.

О н . Вот как. И что? От нас что требуется?

Т р у б к а . Ничего, я просто решил, что вам надо знать.

О н . Спасибо, что побеспокоились.

Т р у б к а . Вы скажете ей? Я как-то не решился. Да и неудобно как-то.

О н . Хорошо. Я скажу.

Т р у б к а . Всего доброго.

О н . Взаимно. *(Вешает трубку.)*

О н а . Что случилось?

О н . Смирнов умер.

О н а . Вот как. *(Захлопывает дверь.)*

О н . Что дальше?

О н а . Ложись спать. Я еще долго.

Слышен шум наполняемой ванны.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Манхэттен. Парк. Гуляют. Зима, холодно. Народу немного.

О н . Ну что, душа моя, не скучаешь по Москве?

О н а . Совсем нет. А ты?

О н . Бывает иногда, но, скорее, по местам, чем по людям. *(Смеется.)*

О н а . Пожалуй. По людям скучать теперь как-то нелепо. Они сами по себе не скучают. Не любят себя. И это отчаянно видно.

О н . Может, купим билеты — и в кругосветное? На год. А?

О н а . Мысль неплохая. Ты да я. Как всегда.

О н . Пошли домой, похоже, ты замерзла.

О н а . Ты такой внимательный.

Прижимается к нему, и они идут к выходу из парка.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

О н в Москве. День провел на встречах. Вечером дома. Звонит ей.

О н . Привет.

О н а . Ну как?

О н . Никак. Ватная стена. Все тонет в словах. Решений нет. Даже минимальных. Говорил буквально со всеми, кто откликнулся.

О н а . А Иван? С Иваном ты виделся?

О н . Нет, Иван не смог. Эпидемиобстановка и все такое. Но это, конечно, просто повод не встречаться.

О н а . Он же не был таким.

О н . Они все не были такими. *(Смеется.)*

О н а . Мы же не это загадывали. (*Смеется.*)

О н . А сбылось это. (*Смеется.*)

О н а . Жду тебя. Соскучилась. Будь осторожен.
Пока.

О н . Я быстро. Пока.

Занавес

Действие пятое

Наверное, тоже за городом где-то. Где все засекречено. На популярном направлении. Речка та же. Он — стройный, подтянутый. Она вообще спортивная.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Она. Совсем перестала тебя видеть. А когда вижу, ты всегда уставший. Одни глаза остались. *(Смеется.)*

Он. Ну, ты же знаешь, что да как. Хочешь — полетим на юг. Ты же можешь в удаленке. Я тем более. *(Смеется.)*

Она. Да особо не хочу. Мне и здесь хорошо. Был бы милый рядом. *(Смех, неизвестно чей.)*

Он. Ну, смотри сама. Я всю неделю в твоём расстройстве. Вроде супернапряжения сейчас нет. А если будет, вернемся. Мы же быстрые. *(Смеется известно кто.)*

Она. Я в Америку хочу.

Он. Кто же не хочет. Но сейчас она недостижима. Никак. Ни так ни сяк.

Она. Может, попробуешь?

Он. Даже не проси. Невозможно.

Она. Это очень напрягает. Жизнь проходит. Ты мне обещал красивую жизнь.

Он. А чего тебе не хватает? У тебя все есть.

Она. Кроме свободы.

О н . Ух ты. Что я слышу.

О н а . А что нового ты услышал? Что?

О н . Ты же все понимаешь. Зачем затеваешь опять этот бессмысленный разговор? Чтобы меня драть.

О н а . Ну, хотя бы что-нибудь подрочить. Почему бы и нет?

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Он сидит и листает ноутбук. Она входит.

О н . Ну как, успокоилась?

О н а . А я и не заводилась. Это тебе все время кажется. С твоими мужиками еще и не такое покажется. Бедненький.

О н . Ну все, хорош. Одевайся, пошли погуляем. Мне тебе рассказать надо кое-что.

О н а . Пять минут.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Они в лесу за пределами поселка. Идут по тропинке. О н в шортах, о н а в пилюле.

О н . Меня сегодня вызывал сама знаешь кто и предложил поменять место работы.

О н а . На еще более невыездное?

О н . Ну да, примерно так. Очень выездное, но не туда, куда тебе все время хочется.

О н а . А нельзя туда? ООН какой-нибудь?

О н . Я не могу такие вещи спрашивать. В любом случае теперь это совершенно нереально.

О н а . Да уж. Так и состарюсь я в Геленджике.

О н . Ну почему обязательно в Геленджике, выбор есть. Страна большая.

О н а . Вы все так говорите. А лицо все больше скрывает, а глаза все больше видят. Что у вас там внутри.

О н . Ты же знаешь. Биоробот. *(Смеется.)* Мы действуем согласно планам. Они известны на месяцы

вперед, и только вам, ну не всем, конечно, они кажутся случайными событиями или быстрой реакцией на них. Нет никаких спонтанных реакций и случайных событий. Это каток, а не стрекоза.

О н а . Ты слишком умный или тупой совсем. Жизнь проходит. Одна. Единственная. А у меня еще столько платьев не выгуляно.

О н . Вот-вот. Вся тусовка пропитана этим ядом отрицания очевидного. Подростковый нигилизм.

О н а . Иди ты знаешь куда.

О н . Знаю. Пошли домой. *(Смеется и обнимает ее.)*

Она втайне довольна, он втайне недоволен. Но оба счастливы.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Где-то на правильном юге. Короткий отдых. Роскошный номер. О н а готовится выйти в люди, о н уже готов. Сидит нарядный и смотрит в смартфон.

О н а . Я скоро-скоро.

О н . Я знаю. Через час примерно.

О н а . Да ладно. Когда такое было.

О н . Всегда. И всегда ты делаешься чудо как хороша. А я млею и забываю эти ожидания.

О н а . Вот-вот. Искусство требует. Кстати, об искусстве. Почему вы не даете работать людям? Люди ропщут, уезжают и источают яд.

О н . Все работают. Все имеют возможность. Обозначаешь позицию и работаешь. Или мудро молчишь и работаешь.

О н а . Ну да, конечно. Выдавили уже всех. Смотреть в театрах нечего. Да ты и сам это знаешь.

О н . Ну ладно, «Нетфликс» же мы отстояли. Смотри сколько хочешь. *(Смеется.)*

О н а . Ну нельзя же так. Ну почему? Ну, говорят они даже, может, что-то. Но на что это может повлиять. На них смотрит только Садовое кольцо в лучшем случае.

О н . Так только Садовое и имеет смысл, все остальное само идет куда надо.

О н а . Ненавижу это. Цинизм жуткий ваш.

О н . Ты же кормишься с того цинизма. Чего вдруг?

О н а . Да не знаю. Скоро осень — и, как всегда, накатывает. Протест. Хочется же жить, а не проживать.

О н . Ну, понеслось. Все наши разговоры так похожи.

О н а . Потому что вы все такие похожие и нас превратили в массу студня трясущегося — непонятно, почему, непонятно, отчего.

О н . Ахуеть ты революционер.

О н а *(выходит из спальни)*. Ну как?

О н . Ты прекрасна, как и всегда, особенно когда твой язык находится под контролем.

О н а *(смеется)*. Ладно, пошли, деятель. Покажем им, как мы умеем отдыхать.

О н . Ура!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Спальня. О н а спит. О н опять смотрит в смартфон. Пищит звонок. Он снимает трубку, встает с кровати и выходит из спальни.

О н . Алло.

Т р у б к а . Смирнов умер. Я обзваниваю всех знакомых.

О н . Понятно. Как это случилось?

Т р у б к а . Он сначала пропал, потом нашелся. Но уже в петле...

О н . Даже так?

Т р у б к а . Скажете ей? Я, наверное, не смогу.

О н . Да, хорошо. Конечно, скажу.

Т р у б к а . Спасибо. Всего доброго.

О н . И вам. *(Вешает трубку.)*

Возвращается в спальню. Она не спит.

О н . Смирнов умер. Суицид, похоже.

Она ошеломлена. Встает. Выходит из спальни. Через минуту хлопает входная дверь. Слышен лифт.

Он . Значит, все-таки мы еще в Сочи. Только там такие шумные лифты. Совсем потерял ориентацию в пространстве. А кто такой этот Смирнов?

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Перед новогодними праздниками. Суeta и шум. В ГУМе каток. Все как обычно. Они идут по одной из галерей, подхваченные толпой.

Она . Не забудь, надо что-то купить еще нашим, они приезжают на каникулы или что-то в этом роде.

Он . Так давай сейчас, не откладывая. Заходим и берем. С запасом. (Смеется.)

Она . Не могу придумать. Теперь так сложно. Этого нельзя этим, того нельзя тем.

Он . Да брось ты, не придумывай. Действуем, как обычно. Помнишь, как в «Бриллиантовой руке»: дитям мороженое, бабам цветы. Все придумано до нас.

Она . Можно и так. Но брендов нет. А которые есть — уже не те. Давай наше тогда что-то выбирать.

Он . Так выбирай. А не выдумывай причины. Надо примириться с обстоятельствами, а не ждать когда вернутся старые. Не вернутся.

Она . Я знаю. И это меня больше всего и раздражает. Хочется организовать движение за жизнь как обычно.

Он . Ну, не для многих произошли изменения. Только подружки твои тебя поддержат.

Она . Ну и друзья тоже. Почему одни подружки. А песни еще можно всякие слушать или уже блэклист есть?

Он . Слушай, ну давай не сегодня. Я вырвался на часок побыть с тобой в праздничной толпе, а ты опять полощешь мне мозг. У меня забот, думаешь, мало и долбоебов, проедающих мозг. Зачем мне это еще?

О н а . Ладно, извини. Давай сюда.

Заходят в бистро и просят шампанское.

О н *(после паузы)*. Ну, так себе, но пить же можно?

О н а . Все можно пить, но не всем можно наслаждаться. Шампанское для наслаждения, а не нажраться.

О н . Может, ты и права.

Он платит, и они выходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Утро. Не очень рано. О н лениво собирается на работу. На что-то смотрит в мониторе, кому-то пишет в смартфоне. Полуодет, полупроснулся. С бутербродом во рту и чашкой кофе в руке. О н а входит — подтянутая, свежая и одетая.

О н а . А каша? Ну сколько можно говорить. Сначала овсянка, потом бутерброды и кофе.

О н . Извини. Тебя же не было. А сам я не мог. Я тут вот подгружен уже с утра. А ты крутила педали?

О н а . Да, я крутила, в отличие от некоторых.

О н . Ничего. Я в течение дня нагоню. Ты едешь со мной?

О н а . Нет, я сама. Поеду к Лизе. Столько событий, а мы так редко видимся.

О н . Ну да, ну да. *(Пишет в смартфоне все время разговора.)*

О н а . А чего, прям с утра полыхает?

О н . А то. Побегал. Увидимся, наверное, вечером.

О н а . А что — улетишь?

О н . Не знаю. Может быть.

О н а . Пока-пока. Застегнись. *(Он целует ее и уходит.)*

О н а . Ну никакой жизни нет, ну все осточертело.

Пытается сварить себе кашу.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Навещали знакомых. Едут обратно к себе. Он чем-то очень недоволен, она довольна, что он недоволен.

Он *(с возмущением)*. Нет, ну ты слышала? Они свободно перемещаются, не под санкциями, денег стало больше, чем было, и недовольны. На них, видите ли, косо смотрят. А в чем проблема?

Она. Видишь, не все прониклись духом вашего бесконечного величия. Люди сомневаются в целесообразности. Полезности.

Он. И при этом гребут, как раньше не гребли. Нет, каково! Если бы я не знал их тысячу лет, подумал бы, что они с ума посходили. Но нет, они в полном порядке. И еще каком. И главное — ты заметила?

Она. Что?

Он. Они не боятся. Так никогда не было, всегда боялись. Больше, меньше. Это часть режима. Страх. Так положено, так надо. А эти перестали. И еще учат жить.

Она. Ну, ты чего-то прям разошелся. Они милые. Обещали мне деньги на проекты, и вообще эта тусовка важна.

Он. Тебе хорошо говорить. А мне что делать? Мне придется прекратить это общение. И еще мне придется предупредить. Ты понимаешь?

Она. Да заткнись ты, все я понимаю. Но помечтать-то можно. Заладил. Не должно быть, не может быть. Как попугай. Где твой блеск, где перья, где очарование. Стал — как облезлый воробей. Озираешься по сторонам, как подстреленный.

Он. Молчи, сука. Лучше молчи. Вот ты куда полезла. Хочешь сама. Ну, давай попробуй.

Она. Вылезай, приехали, Дездемона моя. Пойдем, я перья твои почищу. Успокойшься.

Он *(невозмутимо)*. А я спокоен

Идут в дом.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Посещали новую галерею где-то на Остоженке. Вышли немного навеселе. Было небольшое афтепати. Ну и все были милые, и все было мило. Благостные, они решили пройтись немного: весна, погода неплохая. Уже не холодно и еще светло.

О н . Вот прям хорошо было, да? Как-то отвлеклись. Какой-то сказочный мир. Какое-то волшебное не отсюда. Как будто этих людей не трогает все вокруг, они где-то там, на горе.

О н а . Да, я тоже удивлена. Где ты их откопал?

О н . Да это не я. Кто-то дал приглашение. Я даже не помню, кто.

О н а . Симпатично. Как раньше. Ты разве не хочешь, как раньше?

О н . Я не могу хотеть. Это не моя функция. Этого нет в контракте.

О н а . Иногда мне хочется тебя задушить

О н . Так ты попробуй как-нибудь. Я не против.

О н а . Ух ты как заговорил. Такой мягкий и никому не нужный. И не подумаешь.

О н . Что?

О н а . Что ты на самом деле за такое.

О н . Да ты не стесняйся

О н а . Нет. Поберегу силы. Нам еще жить и жить, бултыхаться в этом дерьме.

О н . В пахнущем шинелью. Теплом, милым, таком знакомом.

Идут дальше.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Похороны Смирнова. Тут все на усмотрение постановщика. Фото Смирнова, венки Смирнову, аллюзии, иллюзии, намеки и прямые указания. Все сообразно задаче, как видит ее постановщик пьесы в контексте структуры момента, чтобы окончательно вовлечь зрителя или, наоборот, отвлечь. Контекст и еще раз контекст.

Тут можно дожать все, что не дожали в предыдущих действиях. Участвуют они все! Если играли разные актеры. Или им помогают сотрудники театра, если играли все пять пар одной парой актеров. Тут все по самочувствию. Музыка, продолжительность действия — все на усмотрение устроителей спектакля. Возможен интерактив со зрителями. Игра в угадай, кого играли актеры. Кто эта десятка современников, так талантливо представленная на сцене. И призы тем, кто угадал. Ведь надежда — она умирает последней. Не так ли?

Занавес
или конец